

Лукреций и философский подтекст эпиллия «Кирис»

Каячев Борис Александрович

Аспирант Лидского университета, Лидс, Великобритания

Дошедший в составе «Приложения к Вергилию» эпиллий «Кирис» излагает историю Сциллы, дочери мегарского царя Ниса, завершающуюся ее превращением в птицу *кирис*, которая и дала название поэме. О времени создания и авторе эпиллия достоверных свидетельств не сохранилось (позднеантичная атрибуция Вергилию определенно ошибочна). Дискуссия по т.н. *Cirisfrage*, продолжающаяся уже более ста лет (обзор см. в [Gall: 50–71]), не может считаться закрытой: ортодоксальная точка зрения, относящая «Кирис» ко времени после Вергилия (и Овидия), должна опровергать все новые доводы в пользу ранней датировки – и авторства Корнелия Галла, первого римского элегика (веские аргументы в пользу подобной атрибуции приводит [Gall]).

«Кирис» начинается с *recusatio*: хотя и приверженный эпикуреизму, автор эпиллия отказывается писать философскую поэму, ссылаясь на недостаточную подготовку (12–47). Слова, которыми выражается этот отказ (14–17: *si mihi iam summas Sapientia panderet arces, | quattuor antiquis heredibus edita consors, | unde hominum errores longe lateque per orbem | despiciere atque humilis possem contemnere curas...* и др.), не оставляют сомнений в том, что основной моделью воображаемой поэмы мыслится натурфилософский эпос Лукреция (ср. 2, 7–10: *sed nihil dulcius est, bene quam munita tenere | edita doctrina sapientum templa serena, | despiciere unde queas alios passimque uidere | errare atque uiam palantis quaerere uitae...*).

Как и следует ожидать, автор «Кирис» оказывается не вполне искренен в своем отмежевании от философской проблематики: Лукреций не исчезает с горизонта и в повествовательной части эпиллия, причем его присутствие вовсе не сводится к семантически нейтральным реминисценциям. Параллельные контексты из «О природе вещей» выступают своего рода философскими примечаниями, «комментирующими» текст эпиллия то с естественнонаучной, то с этической стороны, подталкивая к мысли читать его как иносказание. Остановимся на двух наиболее характерных примерах.

(1) После превращения Сциллы в кирис Зевс, памятуя благочестие Ниса, решает вернуть ему жизнь, но уже в облике морского орла (524–527): *illi pro pietate sua (nam saepe uidendus [scripsi: uidemus codd.] | sanguine taurorum supplex resperserat aras, | saepe deum largo decorarat munere sedes) | reddidit optatam mutato corpore uitam*. Положительная оценка религиозного благочестия Ниса, казалось бы очевидная из слов повествователя, ставится под вопрос аллюзией на Лукреция, противопоставляющего ему благочестие созерцателя (5, 1198–1203): *nec pietas ullast uelatum saepe uideri | uertier ad lapidem atque omnis accedere ad aras, | nec procumbere humi prostratum et pandere palmas | ante deum delubra, nec aras sanguine multo | spargere quadrupedum, nec uotis nectere uota, | sed mage placata posse omnia mente tueri* (о пассаже см. [Summers]). Эта подспудная критика Ниса усиливается отсылкой к Катутллу (76, 25–26: *ipse ualere opto et taetrum hunc deponere morbum. | o di, reddite mi hoc pro pietate mea*), дополняющей идеал атараксии требованием этического благочестия (76, 3–4: *nec sanctam uiolasse fidem, nec foedere in ullo | diuum ad fallendos numine abusum homines*). В этом можно увидеть жестокий упрек Нису: уверенный в покровительстве богов, он отказался сватать дочь замуж за Миноса, и тем самым стал косвенной причиной и своей, и ее гибели.

(2) Во время религиозного праздника в честь Геры Сцилла, увлекшись игрой в мяч, осквернила ее святилище, за что впоследствии была наказана страстью к Миносу (141–143): *non ulli licitam uiolauerat inscia sedem, | dum sacris operata deae lasciuit et extra | procedit longe matrum comitumque cateruam...* Действия Сциллы, с религиозной точки зрения безусловно нечестивые, описываются тем не менее той же самой фразой, что Лукреций применяет к Эпикуру, говоря о его интеллектуальном «прорыве» (1, 72–

74): *ergo uiuida uis animi peruicit et extra | processit longe flammantia moenia mundi | atque omne immensum peragrauit mente animoque...* Это согласуется с тем, что мяч, которым играет Сцилла, «восходит» к мячу из «Аргонавтики» Аполлония (3, 132–141), с помощью которого Афродита уговаривает Эроса заставить Медею полюбить Ясона (о влиянии Аполлония на «Кирис» см. [Greene: 1]), – мячу, аллегорически представляющему мироздание (см. [Pendergraft]). Эта связь подтверждается отсылкой к еще одному пассажиру из Лукреция (2, 627–628: *...ninguntque rosarum | floribus umbrantes Matrem comitumque cateruam*), в котором обсуждается аллегореза культа Кибелы (см. [Jope]), среди прочего трактующая образ богини как висящую в пустоте землю (2, 601–603). Иными словами, иносказательный смысл отрывка, подсказываемый этими тремя аллюзиями, заключается в том, что Сцилла отвергает религиозные нормы ради созерцания мироустройства.

Подводя итог, можно сделать обобщение: в каждом из двух приведенных примеров на уровне повествования действия персонажа оцениваются с точки зрения религии как должные (в первом случае) или недолжные (во втором), однако на уровне подтекста те же самые действия получают скорее противоположную характеристику – с позиции философии Лукреция. Разумеется, это не значит, что, по меньшей мере, неоднозначный образ Сциллы следует читать как последовательную аллегорическую эпикуровского мудреца. Тем не менее, наличие философско-аллегорического подтекста в эпиллии «Кирис» – нуждающегося, безусловно, в дальнейшем исследовании и истолковании – думается, достаточно несомненно.

Литература

Gall D. Zur Technik von Anspielung und Zitat in der römischen Dichtung: Vergil, Gallus und die *Ciris*. München, 1999.

Greene E.B. The Argonautic Expedition. Vol. I. London, 1780.

Jope J. Lucretius, Cybele, and Religion // *Phoenix*. 1985. Vol. 39. P. 250–262.

Pendergraft M.L.B. Eros Ludens: Apollonius' Argonautica 3, 132–41 // *MD*. 1991. Vol. 26. P. 95–102.

Summers K. Lucretius and the Epicurean Tradition of Piety // *CPh*. 1995. Vol. 90. P. 32–57.